

Ранняя лирика

Говоря о лицейских годах Пушкина, следует уточнить, что в начале своего творческого пути молодой поэт выступает как ученик Державина, Жуковского и Батюшкова, многие его стихи носят подражательный характер.

Тематика лицейских стихов Пушкина — чаще всего воспевание любви и дружбы, пиров и наслаждений жизнью. Наряду с этим в ряде стихотворений возникает тема родины и тема свободы. Так, в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», с которым Пушкин выступал перед Державиным, поэт отразил высокий патриотический подъем, вызванный Отечественной войной 1812 года и ее победоносным окончанием. Отечественная война в стихах Пушкина предстает перед читателем как подвиг русской армии и всего народа, спасших Россию и Европу от власти узурпатора. По форме «Воспоминания» представляют собой сочетание оды, излюбленного жанра классицизма, и элегии — жанра, типичного для сентиментализма и мечтательного романтизма.

Влияние классицизма проявляется не только в выборе жанра, но и в торжественном слоге, каким написано стихотворение, в насыщении стихов архаическими словами и оборотами. Использование при описании сражения таких выражений, как «звучат кольчуги и мечи», «в сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут», свидетельствует о пристрастии поэта к архаизмам. Ведь в войну 1812 года ни кольчуг, ни стрел не было, гремела артиллерия. Ночной пейзаж в начале стихотворения типичный сентиментально-романтический пейзаж. Обращение к Москве —

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед, —

напоминает известные строки из «Певца во стане русских воинов» Жуковского:

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные...

Но, несмотря на явные следы влияния поэтов старшего поколения, ода поразила слушателей (и самого Державина) необычайно искренним, живым патриотическим чувством, каким она проникнута, энергией, экспрессией стиха и высоким уровнем поэтического мастерства начинающего поэта. Было ясно, что подрастает молодой орел, еще только расправляющий свои крылья, но обещающий взлететь выше старших собратьев.

В некоторых лицейских стихотворениях проявились настроения вольнолюбия, протеста против деспотизма. Так, в написанном в 1815 году стихотворении «Лицинию» поэт воссоздает картину императорского Рима эпохи упадка и заканчивает стихотворение строками:

Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Конечно, не о Риме и его гибели думал поэт. Он пользовался здесь своего рода аллегорией, и читатель угадывал в содержании стихотворения русскую действительность своего времени.

В лицейские годы Пушкин приобрел известность, соревнуясь с лучшими поэтами старшего поколения. Тогда же он начал первые песни поэмы «Руслан и Людмила» и в ней

решительно выходил за рамки литературных традиций, которыми так мастерски овладел. Уже намечалось новое направление, уже виделось ближайшее будущее русской литературы: обращение к народному творчеству, полная свобода от устаревших литературных шаблонов и правил, народность, активный, устремленный в будущее романтизм.

По К. Лахостскому

Творчество раннего Пушкина, обусловленное исторической и социальной обстановкой того времени, чрезвычайно широко и разнообразно отобразило как его личную жизнь за данный отрезок времени (1814–1820), так и ту классовую и политическую среду, с которой он тесно был связан в детстве, в годы ученья и в первые годы самостоятельной общественной и литературной деятельности. В произведениях раннего Пушкина уже налицо те характерные для него моменты глубоко реалистического охвата современной ему действительности, которые в высокой степени присущи его более зрелым творениям.

Трудно установить, какое именно стихотворение следует считать хронологически первым или одним из первых по происхождению, но первым появившимся в печати было стихотворение «К другу стихотворцу» (1814).

В пределах 1814–1820 годов творческая работа молодого поэта проходит через целый ряд дифференцированных моментов, выражающих собой отдельные этапы его раннего идеологического пути. Поэтому так называемые «лицейские» произведения Пушкина и произведения 1817–1820 распадаются по социальному содержанию и соответствующему художественному оформлению на несколько групп, из которых каждая по своему является характерной для раннего пушкинского реализма.

Первая группа, с которой Пушкин начинает свои стихотворческие опыты, — это *стихотворения анакреонтического характера*. В них рядом с присущей юному поэту яркой жизнерадостностью чувствуются и мотивы легкой салонной поэзии — поэзии, которая из французских придворных кругов XVIII века перешла и в среду русской дворянской аристократии второй половины XVIII и начала XIX столетия. Литературными образцами для Пушкина в данном случае были, конечно, не произведения самого Анакреона в непосредственном изучении, а, так сказать, отраженный анакреонтизм, воспринятый поэтом в преломлении французских анакреонтиков Парни, Шолье, Лафара и др. Значительную роль в этом отношении сыграли и анакреонтические стихотворения Батюшкова, под влиянием которого находился ранний Пушкин.

Тематически эта группа стихотворений концентрируется около мотивов эпикуреизма, то есть восприятия жизни как объекта наслаждения. Поэт мыслит себя последователем Эпикура и его философии. В этом смысле он называет себя «мудрецом», «ленивым философом», «поэтом сладострастья», «сыном неги», «парнасским волокитой». Его муза — «вакханочка», его стихи — «ветреные». В анакреонтическом роде Пушкиным написаны такие, например, стихотворения, как «Блаженство», «Послание к Галичу», «К Пушину», «Мое завещание друзьям», «Гроб Анакреона», «Послание к Юдину», «Фавн и пастушка», «Амур и Гименей» и другие стихотворения 1814–1816.

Здесь поэт разворачивает целый ряд тезисов своей анакреонтической «философии», которая пока еще гармонирует с его молодым весельем. Он говорит: «без вина здесь нет веселья, нет и счастья без любви», «любви нет больше счастья в мире», и потому надо ловить «резвое счастье», расточать «жизни дни золотые», искать истины на дне бокала. В ярких и страстных анакреонтических строфах поэт синтезирует легкую философию своей социальной среды со своей кипучей юношеской жизнерадостностью.

Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

Так формулирует поэт свой эпикуреизм в стихотворении «Гроб Анакреона» (1815). Адресованное И. Пущину приглашение устроить товарищескую пирушку («К Пущину», 1815) он заканчивает своего рода присягой на верность философии веселья и радости:

Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

Как в этом стихотворении, так и в близких к нему по содержанию («Послание к Галичу», 1815; «Веселый пир», 1818) Пушкин обычно рисует обстановку дружеской пирушки с «молодым Вакхом» и «молодыми подругами», пирушки, «где просторен круг гостей, а кружок бутылок тесен». Иногда в стихотворениях данной группы отображается и сам поэт с его искрящимся жизнелюбием, пока еще не нарушенным беспокойными идейными исканиями. В этом отношении особенно четко выражены юношеские переживания поэта в его лицейском стихотворении «Роза» (1815).

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

Роза увяла — будем наслаждаться лилией. Таково в эту пору принятие жизни юношей Пушкиным с его кипучей и увлекающейся, но нравственно здоровой жизнерадостностью.

Вторая группа ранних произведений Пушкина складывается из сравнительно небольшого цикла его *торжественных стихотворений, написанных в духе державинских од*. Сюда относятся главным образом пушкинские отголоски на военные события 1812–1814 годов и на официальную жизнь царскосельского Лицея, то есть такие, например, стихотворения, как «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение государя императора из Парижа» (1815). Социальный генезис и этих стихотворений, так же как пушкинской анакреонтики, объясняется неизжитой еще связью молодого поэта со светской дворянской средой и ее идеологией. Отсюда и эти мотивы официальных восторгов по адресу Александра I, и казенный патриотизм, и негодующие выпады против Наполеона и т. д.

Параллельно со стихотворениями этих двух групп в эти же годы встречается и третья серия произведений, а именно *стихотворения элегического характера*, которые вклиниваются в первые две группы резким диссонансом. Таковы, например, стихотворения «Слеза» (1815), «Элегия» («Я видел смерть», 1816), «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...», 1816), «Желание» («Медлительно влекутся дни мои...», 1816), «Осеннее утро», 1816), «Послание к кн. А.М. Горчакову», 1816) и другие. В этих стихотворениях поэт, на первый взгляд неожиданно, начинает уверять, что у него «душа большая», что на пиру он чувствует себя как «гость угрюмый», что иногда «одной слезы довольно, чтоб отравить бокал». Так, в элегии «Опять я ваш, о юные друзья...» (1817) он делает такие признания:

Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.

Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я все забыл; печали молчаливой
Рука лежит над юною главой...

Минорная настроенность подобных стихотворений, написанных в жанре элегий Жуковского и отчасти Батюшкова, объясняется личными переживаниями поэта (например неудачами в любовных увлечениях), но в целом грусть раннего Пушкина имеет и более глубокие предпосылки классового характера. «Родов дряхлеющих обломков», «отверженный судьбой несправедливой», юноша Пушкин уже начинал сознавать неизбежность своего разрыва с аристократической средой, и эта среда становилась для него чужой и неприязненной. Не находя новой классово-идеологической базы, отвечающей его растущим прогрессивным устремлениям, он переживает растерянность и тоску. Выхода из этой растерянности он пока еще не видит. Но его порывистое искание новых жизненных путей не позволяет ему успокаиваться на консервативной романтике Жуковского, который от противоречий эпохи начинавшегося разложения феодально-крепостнического строя жизни уходил в идеализацию старины. Пушкин на данном этапе еще продолжал сознавать связь с дворянством, но он уже начинал все более и более отходить от «чудовищного феодализма» («Исторические замечания», 1822) своей среды и уже вскоре начал с ним решительную борьбу.

По И. Замотину

Первые лирические стихи Пушкина окрашены светлой, юношеской, шаловливой радостью жизни: любовь, веселье, счастье наслаждения — вот предметы воспевания Пушкина. Овладение всеми благами жизни, человек, жизнь которого не омрачается никакой тенью, очень рано стали предметом внимания великого поэта.

В раннем стихотворении «Блаженство» (1814) герой Пушкина задает вопрос: как я могу быть счастлив? И получает такой ответ:

Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства век лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем наслались!

Жизнь должна быть не призрачной погоней за счастьем, как у Жуковского, а реальным блаженством, которое заключено в веселье, вине, любви, объятиях Дориды. Дружеская пирушка очень часто фигурирует в ранних стихах Пушкина, например, в стихотворении «Пирующие студенты». В стихотворении «Завещание», брызжущем радостью жизни, поэт просит своих веселых друзей и на его могиле, если он умрет, устроить не похоронную процессию, а веселую пирушку: пусть и там раздаются не похоронные клики, а клики радости, веселья и наслаждения.

Ничем не омраченный идеал счастливой, естественной жизни гармоничного человека рисует Пушкин в своих первых радостных песнях. Этот идеал, несмотря ни на что, Пушкин сохранил на всю жизнь. Много горя испытал Пушкин, много разочарований и страданий готовила ему судьба, но свой гуманистический идеал поэт пронес гордо и создал ему великолепный, торжествующий гимн в своей «Вакхической песне» (1925). Жизненный пир, насыщенный непринужденной, нестесненной радостью, нежные чувства любви, звон стаканов, наполненных веселящей влагой, — все это нарисовано в благо-

родных, изящных тонах, проникнуто любовью к человеку, воспринимается как идеал человека, не изломанного рабским, крепостническим строем, деспотизмом царизма. Таким человеком, в сущности, и был Пушкин. В этих радостных песнях отразились его личность и его мирозерцание. По своей натуре, по своему характеру Пушкин был исключительно жизнерадостной, светлой личностью. Таким рисуют его не только лирика, но и воспоминания друзей и современников. Пушкин смотрел на жизнь смеющимися глазами, он смеялся и радовался от души. «Вертлявый, непоседливый Пушкин был весь жизнь и движение», – вспоминает Бартенев. Это не было легкомыслие характера или легкого отношения к жизни. Жизненный оптимизм Пушкина, его светлый взгляд на жизнь исходили из самой сущности поэта как человека. «Пушкин был живой вулкан», – замечает Глинка.

Пушкин считал, что каждый человек имеет естественное право на смех и радость. Он не любил горя, тоски, слез, ибо не видел их необходимости в жизни. В стихотворении «К Овидию» он признавался:

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их...

По М. Ледневу